Текст · 31 июля 2026, 09:44
Дмитрий Швец,

Стена. Как правозащитники помогают, а государство мешает украинцам искать своих родных в российском плену

Тюремная система в России закрыта и непрозрачна, даже когда речь идет о собственных гражданах, а пленные украинцы в учреждениях ФСИН оказываются почти в полной изоляции от внешнего мира. Родственники годами не могут выяснить, где их содержат. В своих отписках тюремное ведомство находит для такой секретности самые неожиданные объяснения: от разрыва дипотношений с Украиной до защиты личных данных и невозможности вести переписку без авторизации на «Госуслугах». Суды тем временем все чаще скрывают имена обвиняемых по «террористическим» статьям УК, которые массово вменяют пленным. «Медиазона» суммирует опыт правозащитников, которые стараются находить лазейки в этой почти непроницаемой глухой стене.

Видео на YouTube

YouTube

Как ищут украинских пленных в российских тюрьмах

@Медиазона

https://www.youtube.com/watch?v=BGNJR6×6IRE&feature=youtu.be

В 2025 году, после принятия поправок в закон «О порядке рассмотрения обращений граждан», ведомства и госучреждения при подаче онлайн-заявлений одно за другим стали требовать

авторизации через «Госуслуги». Это новшество оказалось сущим кошмаром для самых неожиданных групп, по тем или иным причинам лишенных доступа к сервису-монополисту.

Например, для украинцев, чьи родственники попали в российский плен. Теперь они не могут направить во ФСИН запрос о том, в каком СИЗО, тюрьме или колонии находятся их близкие.

Эта проблема коснулась как минимум[1] нескольких сотен семей, говорят «Медиазоне» правозащитники, которые занимаются розыском военнопленных.

Впрочем, напрямую в учреждения ФСИН еще можно писать по старинке — на официальный мейл. Но, во-первых, как отмечают несколько правозащитников, для этого нужно в обход украинских блокировок завести электронную почту в доменной зоне *.ru* — российские госучреждения теперь редко отвечают на письма, отправленные с иностранных адресов. Во-вторых, украинцев держат в СИЗО и колониях по всей стране — непонятно, куда именно писать.

«Никакой системы нет, они по всей России. Тюрем несколько, а колонии строгого режима — по всей стране, четкого распределения нет. Кто-то говорит, что он там первый из пленных. Это какая-то распределяющая шляпа, которая решает, ты будешь в Якутии морозиться или в Карелии комаров кормить», — рассказывает «Медиазоне» юристка Елена Базанова-[2], которая помогает искать пленных.

В феврале Центральный окружной военный суд на выездных заседаниях в Саранске за неделю вынес приговоры девяти украинским военнопленным. К юрисдикции этого суда не относится ни одного региона, граничащего с Украиной, а сам он расположен в Екатеринбурге. «Медиазона» выяснила, где проходили выездные заседания, только погуглив фамилии защитников, указанные в карточках на сайте суда, — оказалось, что все они работают в Мордовии.

Невероятно, чтобы родственники кого-то из девяти военнопленных, не имея дополнительных сведений, догадались написать именно в мордовский СИЗО и навести там справки о судьбе своего близкого человека.

До нововведения с обязательной авторизацией через «Госуслуги» правозащитный проект «Сквозь стену» занимался веерной рассылкой запросов по регионам.

«Как только человек заполнял анкету, сразу же во все региональные управления ФСИН уходили запросы. Возможно, конечно, тем самым мы перегрузили эту систему», — признает его основательница Анастасия Шевченко.

Еще несколько собеседников «Медиазоны» среди правозащитников согласны, что такие рассылки слишком заметны и вполне могли вызывать раздражение силовиков.

Шевченко добавляет, что поиск через веерные рассылки не был слишком результативным. По ее словам, в ответах из УФСИН обычно «была бессвязная

фигня: либо ссылались на защиту персональных данных, отсутствие личного согласия, или они этим не занимаются, а занимается Минобороны».

«Это все синусоидально: то отвечают, то перестают»

Базанова вспоминает: раньше она говорила родственникам пленных, что если в России на солдата ВСУ завели уголовное дело, то это даже хорошо — во всяком случае, теперь у него есть хоть какой-то правовой статус.

«А сейчас стало понятно, что и адвокату ФСИН может ответить, что они не ведут централизованный учет, идите в МВД, а МВД там сошлется на закон о персональных данных, — рассказывает юристка.
— Получается такая ситуация, что люди, у которых нет возможности получить доступ к "Госуслугам", не могут отправить запрос во ФСИН. Какой выход? Ты находишь адвоката. И теперь выясняется, что даже адвокатам они ничего не предоставляют».

Базанова показала корреспонденту «Медиазоны» несколько ответов из разных ведомств на адвокатские запросы о судьбе пленных. В одном из них ФСИН пишет, что заключенный сам «отказался предоставить кому-либо информацию» о своем местонахождении. В другом служба утверждает, что не ведет централизованного учета заключенных, и советует обратиться в МВД.

МВД в свою очередь отвечает, что сообщает подобную информацию только по «личным

обращениям граждан, которых она касается, либо их законным представителям при наличии доверенности, оформленной в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Верхнеуральская тюрьма в Челябинской области, куда обращались родственники одного из пленных украинцев, в своем ответе пишет, что Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Россией и Украиной прекратил действие, а в феврале 2022 года президент Украины объявил о разрыве дипломатических отношений.

«Следует отметить, что, согласно указанию ФСИН России от 11.04.2023, в связи с рекомендациями МИД России информацию о прибытии в исправительные учреждения для отбывания наказаний граждан Украины в дипломатические представительства Украины в Российской Федерации не представлять», — заключила администрация тюрьмы, добавив, что российский закон о порядке рассмотрения обращений не распространяется на письма украинцев.

Как говорит Базанова, это не единственный случай, когда тюремное ведомство в ответах на запросы о месте содержания пленных ссылается на разрыв дипломатических отношений с Украиной. Переписка украинцев со ФСИН затруднена настолько, что одна из сотрудниц «Руси сидящей», занимающаяся поиском заключенных, всерьез считает это формой дискриминации.

«Мысль такая: вообще у нас разорваны дипломатические отношения, и потому гарантии

закона о порядке рассмотрения обращений не распространяются на граждан Украины, что, конечно, полная туфта. Но я не могу сказать, что это повсеместная практика», — добавляет в разговоре с «Медиазоной» юрист Александр Арсеньев[3].

Адвокат Петр Троекуров[4] рассказывает, что он отправлял четыре запроса в центральный аппарат ФСИН: в двух случаях ему сообщили, где находятся украинцы, а в двух других ответили, что централизованный учет заключенных не ведется. Сотрудница «Руси сидящей» вспоминает другой случай: родственники пленного отправили запрос непосредственно в колонию, а ответ пришел из центрального аппарата.

Правозащитница Анна Каретникова, работавшая ведущим аналитиком московского управления ФСИН, говорит, что централизованный учет в службе, конечно, ведется, причем самый доскональный.

«В московском управлении знали про каждого человека, статистика подавалась в сводку каждое утро, и, я думаю, то же самое происходит и в главке, — вспоминает она. — И сотруднику достаточно было просто позвонить в спецчасть УФСИН[5], чтоб узнать местонахождение каждого арестанта или, если он уехал на этап, точку, в которую он направляется, промежуточную. Но во ФСИН всегда знают и конечную».

Один из относительно надежных способов поиска — это адвокатские запросы не в центральный

аппарат ФСИН, а в региональные управления. К нему прибегают в тех случаях, когда есть хоть какие-то указания на место содержания пленного.

Впрочем, в проекте «Сквозь стену» отмечают, что сколько-нибудь информативные ответы из регионов в последнее время стали приходить реже; двое других собеседников «Медиазоны» такой тенденции пока не заметили.

«Это все синусоидально: то отвечают, то перестают», — резюмирует юрист Владимир Жбанков из украинской гуманитарной инициативы «Пошук. Полон»[6]. По его наблюдениям, открытость УФСИН зависит от региона: чем дальше от западных границ и Москвы, тем лучше.

Например, на сайте главка по Белгородской области даже опубликовали специальное объявление: данные о местонахождении арестантов третьим лицам сообщают «исключительно с письменного согласия осужденного».

Арсеньев и Жбанков добавляют, что на стадии следствия о месте содержания пленника родственников теоретически может проинформировать следственный орган, если он известен, а потом прокуратура.

Кроме того, Арсеньев делится лайфхаком: исчезнувшего украинца можно попробовать объявить в розыск через российское МВД. Впрочем, он сразу уточняет, что полиция «не горит желанием всех объявлять в розыск», поэтому лучше запастись

документами о том, что человека уже пытались найти, но безуспешно.

«У нас были успешные случаи, когда приходило решение, например, об отказе в возбуждении уголовного дела, где писали, что нашли человека и он там-то, — вспоминает юрист. — Бывало даже, прикладывали в качестве доказательств письма от этих людей, где они писали, что все нормально, меня опросили, прошу прекратить розыск. Или они могут, опять же, не строго в рамках процедуры, дать обрывки информации: проводил дактилоскопию там-то тогда-то. Появляется зацепка, и дальше уже можно потянуть и наводить справки на месте».

Суды и тюрьмы

Уголовные дела рано или поздно доходят до суда. Большинство пленных судят в Южном окружном военном суде в Ростове-на-Дону и во 2-м Западном окружном. Последний расположен в Москве, но дела бойцов ВСУ, попавших в плен в Курской области, рассматривает в режиме видео-конференц-связи или на выездных заседаниях[7].

«В Ростове процессы длятся очень долго, и там хоть мытьем, хоть катаньем пробраться все же можно. Западный судит скоро и несправедливо, могут дать огромный срок за три заседания», — говорит Жбанков.

Иллюстрация: Danny Berkovskii / Медиазона

Теоретически имена подсудимых[8] должны публиковаться в открытых судебных картотеках. Но на практике все не так просто. В декабре 2024 года «Медиазона» заметила, что 2-й ЗОВС без всяких объяснений скрыл на своем сайте имена украинских военных, которым вменялись «террористические» статьи. Весной 2026 года его примеру последовал ЮОВС, причем избирательно: в некоторых случаях имена обвиняемых украинцев по-прежнему доступны, в некоторых — нет. Кроме того, значительный массив дел против военнопленных и гражданских заложников поступает в суды на оккупированных территориях, а они начали заполнять картотеки только в конце 2024 года, да и то не везде. Все это сильно затрудняет поиск пленных.

«Вся система устроена неправильно», — констатирует Базанова.

Часто о том, какой суд рассматривал дело, становится известно только постфактум из пресс-релиза о приговоре. Но и это уже серьезное продвижение в поисках. После приговора и этапирования ФСИН должна прислать в суд документ о том, где осужденный отбывает наказание; правда, это может занять несколько месяцев. Если родные пленного заключат соглашение с адвокатом, он может ознакомиться с этим документом и узнать, куда того отправили.

Жбанков оговаривается, что этот метод работает не всегда: «Пока вышел пресс-релиз [о приговоре], пока написали запрос, человек может быть перемещен куда угодно, да и суд может тянуть с допуском к материалам дела, это бывает попросту долго».

Арсеньев добавляет, что и бумагу о месте заключения в суд иногда не присылают.

«Есть риск отправить адвоката в суд просто так. Это может быть дорого. Плюс если это еще и суды на оккупированных территориях, что еще дороже и проблемнее, там могут быть свои негласные правила. За ознакомление такого рода можно заплатить 25–50 тысяч. Пробовать можно, если есть деньги и понимание, как это нужно делать», — заключает он.

Кроме того, поиск отчасти облегчает тот факт, что большинство дел против украинцев проходит через единственный в России апелляционный военный суд в подмосковной Власихе: если пленный готов обжаловать приговор, однажды он появится там — хотя и не лично, а по видео-конференц-связи.

Осужденным по «террористическим» и «шпионским» статьям российские суды, как правило, назначают по несколько лет тюрьмы с последующим переводом в колонию. Это всегда более суровые условия, но в российской пенитенциарной системе всего восемь тюрем, причем, как замечает Жбанков, одна из них используется как пересыльная. Так что иногда заключенного получается найти методом исключения.

«В какой-то момент стало понятно, что их[9] держат во Владимирском централе, Димитровграде или Минусинске, и я родственникам советовала первым делом отправлять в эти три региона. Они писали, что это мама, ищет сына, прикладывала какой-нибудь документ, и ей спокойно отвечали», — вспоминает сотрудница «Руси сидящей».

Колоний на два порядка больше, но и среди них правозащитники научились ориентироваться.

«Сейчас есть тенденция, что "азовцев" отправляют в Сибирь: Бурятию и Якутию, Красноярский край. Но их отправляют в колонии строгого режима для первоходов: вот в Красноярском крае всего 44 колонии, но радиус поиска можно снизить и туда отправлять письма. Это тяжело, уходит много времени», — рассказывает Анастасия Шевченко.

При этом самая непредсказуемая и абсурдная стадия тюремных мытарств — это «этап этапа», шутит Жбанков из «Пошук. Полона»: маршрут может строиться так, что осужденный «умудряется в километрах накатать земной шар».

«Маршруты ФСИН неизведанны, человека могут отправить в Мордовию, но повезут из Ростова через всю Россию, Минусинск, Архангельск, Курск. Там совершенно безумные маршруты, непредсказуемые. Получается, что получить информацию можно только от других заключенных. Есть несколько таких случаев, когда к одному украинцу удалось пустить адвоката и он рассказал, кто с ним рядом находится», — добавляет адвокат Троекуров.

Письма и встречи

Российские законы[10] гарантируют подследственным и осужденным право на переписку. Если бы украинцы в СИЗО и колониях могли просто написать на волю, где они находятся, проблемы с их поиском не существовало бы вовсе. Однако она существует.

«Такая практика, что человек находится в СИЗО, впервые за четыре года появился, и потом ему замораживают переписку и за это время могут осудить; был случай, дали 18 лет за одно заседание. Бывало, что-то не понравилось в письме — и все, заморозили на месяц. Ему не приносят письма, а его письма забирают и не отдают, чтобы было ощущение, что про них[11] забыли. Для них это самое страшное», — объясняет Шевченко.

Помочь в поиске могут онлайн-сервисы для переписки с заключенными: если адресата нет в СИЗО или колонии, то некоторые (например, «Ф-Письмо») присылают отправителю уведомление. Впрочем, такие сервисы работают далеко не во всех учреждениях ФСИН, а, по наблюдениями Шевченко, бойцов «Азова» часто отправляют как раз туда, где они пока не подключены.

В таком случае остается писать самой тюремной администрации[12]. Жена украинца, попавшего в плен в Курской области, рассказывает «Медиазоне», что методом исключения выяснила: мужа держат в Верхнеуральске. «Оттуда мы получили ответ, что они не могут нам сообщить [местонахождение осужденного] в связи с рекомендациями МИДа. Ему

туда отправляют деньги, они не возвращаются, но адвоката тоже не пускают», — говорит она.

Другая украинка, разыскивающая в России мужа-военнопленного, говорит, что написала во все тюрьмы и ей ответили только из одной, сославшись на разрыв дипломатических отношений. «Десять человек пишут на одну тюрьму — и десять разных ответов», — недоумевает она.

Кстати, упомянутый выше перевод денег на счет заключенного — это еще один работающий способ поиска: если сумма не возвращается отправителю, значит, адресат на месте.

Есть еще один неожиданный метод: мониторинг *Z*-каналов, где любят выкладывать «интервью» с пленными. Шевченко говорит, что ее фонд смог автоматизировать этот процесс, в том числе используя распознавание лиц по фото. Преследуя собственные цели, пропаганда иногда раскрывает данные: *RT* публиковал список на тысячу человек, которых Украина якобы отказалась обменивать — государственный телеканал посвятил им спецпроект с отдельным сайтом.

Наконец, когда у правозащитников есть уверенные предположения о том, где содержится пленный, его может посетить адвокат — но в этом, как говорят собеседники «Медиазоны», им тоже часто мешают.

> «Я направил запрос в регион и центральный аппарат ФСИН, мне ответили, где находится украинец. Я поехал к нему в изолятор, прождал несколько часов, и потом мне конвоир сказал, что человек от меня

отказался. Я удивился: как, в первый раз? Попросил вывести его — вот я получу от него отказ и поеду домой. Потом мне вынесли заявление от этого украинца с его подписью, что в помощи от меня он не нуждается», — вспоминает адвокат Троекуров.

Другой юрист, вспоминая похожий случай, добавляет: украинец, якобы «отказавшийся» от его услуг, одновременно передавал родным письма, в которых просил о встрече с защитником.

Однажды, продолжает Троекуров, подобный отказ от защитника был обжалован в суде, и украинский пленный по видеосвязи объяснил, что «не видел смысла» в адвокате.

Естественно, что находящиеся в заключении украинцы стараются лишний раз не раздражать силовиков: их и без того сплошь и рядом держат в пыточных условиях. Жены двоих пленных из Курской области попросили «Медиазону» не называть их имен, чтобы не навредить мужьям.

Инкоммуникадо

Все перечисленные выше приемы поиска неприменимы к украинцам, удерживаемым в режиме *инкоммуникадо*, то есть полной изоляции, исключающей переписку и визиты адвоката. Таково, как правило, положение пленных, которым не предъявлено уголовных обвинений, и мирных жителей, задержанных «за противодействие СВО». Единственный источник сведений о таких людях — рассказы других украинцев, вернувшихся на родину по обмену.

Среди учреждений, где держат узников без определенного правового статуса, известны мордовская ИК-10 и бывшая ИК-120 в Еленовке на оккупированной территории Донецкой области. Освободившиеся оттуда украинцы рассказывали о жесточайших пытках.

Летом 2024 года секретарь украинского Координационного штаба по вопросам обращения с военнопленными Дмитрий Усов говорил о 186 известных местах содержания военнопленных и гражданских заложников, в 29 из них систематически применялись пытки.

«По словам [правозащитника] Михаила Саввы, ФСИН распределяет украинцев по разным лагерям во всей России, чтобы не концентрировать их в одном месте и не создавать "потенциал для сопротивления"», — отмечали «Важные истории».

Из документа Следственного комитета, опубликованного проектом «Первый отдел», известно, что Владимир Путин еще 8 марта 2022 года

принял «решение» о внесудебном заключении под стражу за «противодействие СВО».

У «задержанных за противодействие СВО» нет никакого процессуального статуса, Россия не признает их военнопленными, они могут быть годами лишены свободы без возбуждения уголовного дела и предъявления обвинений.

Российские власти привычно отвергают все обвинения в похищении людей, повторяя, что полностью соблюдают международные конвенции, а пытки к украинцам не применяют, несмотря на многочисленные свидетельства обратного.

Редактор: Дмитрий Ткачев

---

1. Украина и Россия не раскрывают число пленных, однако, по подсчетам Харьковской правозащитной группы, на ноябрь 2025 года Москва вернула по обмену почти 6 тысяч украинцев. Это позволяет составить представление о масштабах проблемы.

2. Здесь и далее имена собеседников «Медиазоны», остающихся в России, изменены ради их безопасности.

3. Имя изменено.

4. Имя изменено.

5. Отделы специального учета в подразделениях ФСИН, которые ведут личные дела заключенных и следят за сроками отбывания наказания.

6. «Поиск. Плен».

7. В пресс-релизах СК о приговорах пленным из Курской области никогда не говорится, где проходил процесс.

8. За исключением дел, содержащих гостайну, с участием несовершеннолетних и тех, которые рассматриваются в закрытом режиме.

9. Пленных украинцев.

10. Статья 20 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых» и статья 91 УИК.
11. Пленных.
12. После принятия поправок в закон об обращениях граждан российские ведомства часто игнорируют письма с иностранных адресов.